

М. Д. Горшков // Виртуальные технологии в медицине. – 2017. – № 1(17). – С. 17–26. – URL: https://drive.google.com/file/d/1vNqxEe1BV-_kUMuSKEKn3KumWBQRdAP8/view?usp=sharing (дата обращения 14.03.2022).

3. Бычкова, Е. М. Использование виртуальной реальности в обучении иностранным языкам (на примере Second life) / Е. М. Бычкова // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. – 2020. – Вып. 4 (837). – С. 80–91. – URL: <file:Downloads/ispolzovanie-virtualnoy-realnosti-v-obuchenii-inostrannym-yazykam-na-primere-second-life.pdf> (дата обращения 14.03.2022).

4. Демина, Д. А. Методика формирования межкультурной компетенции на основе технологии трехмерной визуализации : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Д. А. Демина. – Москва, 2011. – 27 с.

5. Жильцов, В. ТАКОС: технологии виртуальных симуляторов в современном дистанционном образовании / В. Жильцов, Е. Павличева // Информационные ресурсы России. – 2015. – № 1. – С. 32–36. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22996229> (дата обращения 14.03.2022).

6. Жильцов, В. А. Проект коммуникативного образовательного ресурса по русскому языку как иностранному с использованием технологии v-learning / В. А. Жильцов, И. А. Маев // Русистика. – 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 34–50. – URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-1-34-50> (дата обращения 14.03.2022).

7. Орехова, И. А. Виртуальная языковая среда, реальная языковая среда и языковая личность / И. А. Орехова // Славянская культура : истоки, традиции, взаимодействие : XX Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 22–24 мая 2019 г.) : сборник статей. – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 521–524. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39161270> (дата обращения 14.03.2022).

Кениспаев Ж.К., доктор филос. наук, профессор кафедры философии, истории, экономической теории и права

Омский государственный аграрный университет

г. Омск

Серова Н.С., канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии

Алтайский государственный педагогический университет

г. Барнаул

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КАТЕГОРИИ АРХЕОМОДЕРНА

Аннотация. *Дискуссия вокруг реформ в образовании является главным трендом, как специализированных научных журналов, так и средств массовой информации. Актуальность этой темы понятна: общество заинтересовано в том, чтобы система образования воспитывала подрастающее поколение таким образом, чтобы оно было в состоянии отвечать на внешние и внутренние вызовы. Многие в этой дискуссии зависят от исходных предпосылок, с которых начинается исследование. В статье обсуждается проблема поиска адекватных методологических принципов, при помощи которых можно было бы оценить общее состояние российской системы образования.*

Ключевые слова: образование, наука, методология, философия, общество, культура.

Zh. K. Kenispaev,

N. S. Serova

RUSSIAN EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE CATEGORY OF ARCHAEOMODERN

Abstract. *The discussion around reforms in education is the main trend of both specialized scientific journals and mass media. The relevance of this topic is clear: society is interested in the education system educating the younger generation in such a way that it is able to respond to external and internal challenges. Much of this discussion depends on the initial assumptions from which the study begins. The article discusses the problem of finding adequate methodological principles with which to assess the general state of the Russian education system.*

Key words: education, science, methodology, philosophy, society, culture.

Наука сильна определениями, в этом ее предназначение. Но одно дело – определение научных терминов, понятий, категорий, и совсем другое дело – определение сложных систем в общей структуре социальных связей. Нам представляется актуальной и интересной задача по определению специфики российской системы образования в условиях глобализации и открытого общества. Сложилось устойчивое мнение, что Россия в области образования во многом копирует западные стандарты, и в этом кроется причина нестабильности в этой сфере. Переход на двухуровневую систему образования, Болонский процесс, количественный подход к оценке преподавательской деятельности, чрезмерная бюрократизация учебного процесса и многое другое свидетельствуют в пользу этой точки зрения. В этом ключе написано немало статей в научных журналах, посвященных проблеме образования. Но такая картина не выглядит полной и, на наш взгляд, не отражает реального положения дел в отечественном образовании.

Не признавать усиливающийся процесс вестернизации культуры, конечно, уже нельзя, это стало очевидным фактом. Более того, по мнению некоторых исследователей, российская реальность под влиянием внешних причин подверглась очень серьезной трансформации. Возникла новая форма культуры, связанная с культом западного индивидуализма и эгоизма. «На первый взгляд, – пишут исследователи, – нарциссическая культура знаменует собой победу индивидуалистического начала. Сбылась мечта либеральных гуманистов: в постмодерновую эпоху каждый индивид – личность. Прежние тоталитарные практики, строго регламентировавшие поведение масс, во многом распались из-за упадка массового промышленного производства. В них просто исчезла необходимость. С наступлением нарциссической культуры профессиональные корпорации учителей и преподавателей, исследователей и полицейских, врачей и социальных работников ведут «арьергардные бои», отстаивая свое право навязывать людям свои нормы поведения. Однако, чем дальше, тем больше эти нормы размываются, несмотря на федеральные государственные образовательные стандарты, пропагандистские телепередачи и постоянное совершенствование административного и уголовного кодексов... Нарциссическая культура радикально меняет ситуацию. Мнение эксперта теперь ничем не лучше мнения популярного актера, журналиста или телевизионного ведущего. К тому же нарциссическая культура захватывает и самих ученых: для оценки их «масштаба» применяется индекс Хирша и другая наукометрия» [1, с. 89–92].

Все верно, но российская действительность гораздо более устойчивая система, чем принято думать. Есть общее правило, истинность которого подтверждается опытом многих веков: все новое, приходящее извне, как правило, воплощается с учетом «местных условий», менталитета, традиций, привычек. Так было с мировыми религиями, пришедшими на новые территории, формально оставаясь в рамках своей догматики, они вобрали в себя все многообразие религиозных (языческих) традиций, существовавших у местных народов с незапамятных времен. Избавиться от «местного налета» оказалось невозможно, так как это затрагивало фундаментальные основания жизни народов с тысячелетней историей. Последние, формально признавая новую религию, не спешили отказываться от своих

«родных» богов и духов. В этом отношении борьба за «чистоту религии» – это вечная тема, которая будет актуальной, пока существует религия.

Подобные метаморфозы происходят не только в религии, но и в науке, которая также подвержена социальной и культурной детерминации. Так было с марксизмом, который, будучи строгой научной теорией передовых европейских мыслителей и формально не меняя своего названия, был по-своему реализован в политических системах разных стран, становясь органической частью культурной жизни народов. Таким образом, перенос определенной модели организации жизни из одной социальной системы в другую невозможен без того, чтобы «подготовить» эту модель к инсталляции в новых условиях. Здесь будет уместна формула, которую в свое время вывел американский экономист Питер Друкер – «культура съедает стратегию на завтрак». Ни одна, даже самая лучшая стратегия не будет эффективно работать без учета культурных особенностей жизни народа, без соотнесения с новой реальностью, в которую ее инкорпорируют. В самом общем виде можно утверждать, что между западными стандартами и российской действительностью существует непреодолимая преграда, которая возникла вследствие различных представлений о человеке, обществе, справедливости, социальной гармонии. Полагаем, что внешнее материальное сходство культур порой бывает обманчивым, так как внутренние (духовные) противоречия не преодолимы в силу своей устойчивости.

Говоря об индивидуальности и неповторимости каждой культуры, следует вспомнить о философских аргументациях в пользу этого утверждения. В учении о монадах Г. Лейбница содержится глубокая мысль об автономности мыслящих атомов – монад, которые «не имеют окон». В индивидуальном отношении это означает, что нет никакой возможности диалога, обмена опытом между монадами (а люди – это духовные монады). Все что можно сделать – это использовать свою телесную организацию в качестве медиатора между духовными субстанциями. На самом деле, для того чтобы передать свой духовный опыт, общество в лице учителей на протяжении многих лет обучает подрастающее поколение в специально созданном для этих целей институте социального воспитания – системе образования. Никакого другого способа передачи опыта не существует – только посредством материальных форм воспитания и образования. Как считал немецкий философ, все, что связано с духовностью, носит автономный характер, но при этом обладает своей внутренней закономерностью. «Естественные изменения монад, – пишет Г. Лейбниц, – исходят из внутреннего принципа, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады.... Вообще надобно признаться, что и все, что от него зависит, необъяснимо причинами механическими, т. е. с помощью фигур и движений. Если мы вообразим себе машину, устройство которой производит мысль, чувство и восприятия, то можно будет представить ее себе в увеличенном виде с сохранением тех же отношений, так что можно будет входить в нее, как в мельницу. Предположив это, мы при осмотре ее не найдем ничего внутри ее, кроме частей, толкающих одна другую, и никогда не найдем ничего такого, чем бы можно было объяснить восприятие. Итак, именно в простой субстанции, а не в сложной и не в машине нужно искать восприятия. Ничего иного и нельзя найти в простой субстанции, кроме этого, т. е. кроме восприятий и их изменений. И только в них одних могут состоять все внутренние действия простых субстанций» [2, с. 415].

Механические повторения западных стандартов жизни никоим образом не свидетельствует о том, что Россия стала частью нового мира, напротив, внешнее сходство во многом запутывает ситуацию, усугубляет ее. Современная отечественная культура и система образования – это новые системы, сущность которых еще предстоит изучить и понять. Известный отечественный философ, социолог и политолог А. Г. Дугин для обозначения состояния современной российской культуры ввел в науку новый термин – археомодерн. По его мнению, Россия в силу своей специфики при переходе от традиционного общества к обществу эпохи модерн, остановилась где то посередине и создала новый тип цивилизации, в которой старое (премодерн) и новое (модерн) странным образом переплетены между собой. «Для того, чтобы описать такую ситуацию, – пишет А. Г. Дугин, – когда парадигма модерна,

логически следуя за парадигмой премодерна, не учреждается по-настоящему и не становится доминирующей, преобладающей, потребовалось введение нового термина. Так возникла догадка о археомодерне. Это не какая-то новая парадигма, это особая ситуация, когда вместо диахронического перехода от парадигмы премодерна к модерну мы имеем дело с синхроническим наложением (с суперпозицией) парадигмы модерна на парадигму премодерна. Модерн в России победил, но он победил ценой того, что он перестал быть модерном. Вместе с тем у нас сохранилась и архаика, но она сохранилась ценой того, что она перестала быть настоящей архаикой. Археомодерн – это такое состояние, когда архаика и модерн берут друг друга в плен. При этом никто не повелевает, каждый пытается другого. Археомодерн – это форма такой социальной дробности, в «числителе» которой стоит модерн, а в «знаменателе» архаика. Археомодерн как нечто качественно отличное может быть определен как общество, чьей судьбой модерн не является, но при этом в это общество внедряется, в нем присутствует, не изменяя и не упраздняя его архаические основания. В археомодерне модернизация не вытекает из логики становления самого общества, из его начал из его циклических закономерностей. Эта модернизация оказывается навязанной извне» [3, с. 12].

Переход системы на новый уровень развития часто сопровождается некоторым «сбоем» в реализации плана модернизации, что выступает своеобразным маркером ситуации «что-то пошло не так». Именно такую картину мы наблюдаем в системе российского образования. При всем стремлении к европейским стандартам образования мы никак не можем выйти за рамки существовавших в нашем обществе на протяжении столетий патриархальных представлений об обучении и воспитании детей. С одной стороны, установка на формально-деловые взаимоотношения между педагогами и учениками (как принято в западном обществе), а, с другой – патерналистский, а местами и фамильярный характер этих отношений. Педагоги чувствуют свою личную ответственность, как перед учениками, так и перед обществом и часто делают в профессиональном отношении гораздо больше, чем этого требуют их должностные обязанности. Существующий в нашей культуре принцип обязательной заботы о подрастающем поколении создает дополнительное измерение в отношениях между педагогами и их учениками. В такой ситуации обучающиеся хорошо осваивают свои права как самостоятельной личности, но весьма поверхностно знают свои обязанности в отношении подготовки к учебным занятиям. Возникает несоответствие между старыми патерналистскими взглядами на образование и современными реалиями, основанными на самостоятельности индивида, его личной ответственности за свою судьбу. В этом дополнительном измерении и оказалась система образования, она, если использовать термины А. Г. Дугина, «застряла» между премодерном и модерном и обитает в пространстве археомодерна, где существуют свои особенные, пока мало изученные, закономерности.

Живя современными требованиями, преподаватели вузов активно публикуются, повышая свои наукометрические показатели, но при этом каждый понимает бессмысленность сугубо количественного измерения их профессиональной компетентности. Формально выполняя требования образовательных стандартов, они внутренне остаются в другом измерении, где все было «по-настоящему», где испытания касались именно их профессиональных качеств, где содержание учебных курсов и личный талант преподавателя ценились выше всего остального. Ностальгия по прошлому, «когда деревья были большими» не позволяет большинству преподавателей старшего поколения принять новые правила игры, так как их в свое время учили полностью отдавать себя любимому делу, целиком посвящать себя просветительской деятельности. Вот в таком контексте и обнаруживает себя состояние археомодерна современного российского образования. Оно оказалось между прошлым и будущим, застряло в матрице времени и пространства. Но согласно принципу «все течет...», следует ожидать постепенного выхода российского общества из этого состояния и перехода на новый уровень развития.

Подводя итоги исследования, отметим, что логика рассуждения, согласно которой все типы цивилизации проходят одни и те же этапы эволюции, уже не кажется единственно возможной. Еще в XIX веке русский философ Н. Я Данилевский утверждал, что каждая

культура уникальна и во многом автономна, что европейский путь – это один из возможных векторов развития социальной системы. В самом общем виде такая точка зрения напоминает монадологию Г. Лейбница, в которой каждая монада представляет собой целый универсум, а вся их совокупность есть не что иное, как гармония Вселенной. Нам представляется, что для правильного понимания ситуации в российском обществе и, в частности, в образовании необходимы новые методологические принципы, основанные на плюралистическом взгляде на эволюцию социальных систем, свободные от европоцентристских традиций. Избавиться от «синдрома провинциала» не просто, для этого нужна воля и решимость, смелость делать свой собственный выбор. В противном случае мы обречены на вечное запаздывание, «отставание» от темпов развития европейской культуры. На самом же деле проблема заключается в монистическом взгляде на культуру, что противоречит сущности предмета исследования: каждый народ создает свою неповторимую культуру и для ее исследования нужны соответствующие её духу методологические принципы. Относительно категории археомодерна, нам представляется, что она обладает некоторым эвристическим потенциалом, позволяет определять основные этапы развития европейских культур. Но при этом, она теряет свою актуальность в случае плюралистического взгляда на историю народов, если отказаться от привычки сравнивать достижения России с соседними странами. В мировоззренческом плане началом новой методологической традиции может стать нетривиальный подход к пониманию отечественной истории, незашоренный взгляд, свободный от доминирующих в науке парадигм. А в широком смысле началом новой истории может стать удивление тому, что мир может быть разным, что каждая культура сама по себе является ценностью, без соотнесения ее с признанными образцами. С удивления, как известно, начинается философия. «Философия начинается с удивления, – пишет М. К. Мамардашвили, – и это настоящее удивление не тому, что чего-то нет. Скажем, нет справедливости, нет мира, нет любви, нет чести, нет совести и т. д. Не этому удивляется философ. Философ удивляется тому, что вообще что-то есть. Ведь удивительно, что есть хоть где-то, хоть когда-то, хоть у кого-то, например, совесть. Удивляет не ее отсутствие, а то, что она есть. Или не отсутствие морали. То есть удивительно то, что есть нечто. Что под этим понимается? Порядок. Нечто упорядоченное. Удивительно, что есть нечто, а не хаос» [4, с. 23]. Нам представляется, что новый мир открылся бы нам, если бы смогли освободиться от европоцентризма как доминирующей формы мировоззрения в российском обществе, а особенно в сообществе ученых и философов.

Для определения характера трансформаций современной российской системы образования необходим подходящий для этой цели методологический инструментарий, который позволит адекватно оценить ситуацию. Пока мы пользуемся европейскими измерительными приборами, тогда как наступило время выработать собственные средства и методы познания, способные раскрыть сущность процессов и явлений, происходящих в отечественной культуре.

Библиографический список

1. Ореховский, П. А. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики / П. А. Ореховский, В. И. Разумов // Идеи и идеалы. – 2021. – № 3. – С. 84–102.
2. Лейбниц, Г. Монадология / Г. Лейбниц // Сочинения. В 4 томах. – Москва : Мысль, 1982. – Том 1. – 636 с.
3. Дугин, А. Г. Археомодерн / А. Г. Дугин. – Москва : Арктогея, 2011. – 142 с.
4. Мамардашвили, М. К. Философские чтения / М. К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2002. – 832 с.